ству христову", говорится: „И тот, государь, срок давно прошел, а к нам твоих... ратных людей... не бывало. И буде, государь, вскоре... воеводы с ратными людьми к нам не будет, и нам за нашу нужду то место будет покинуть, потому, государь, что никаких у нас хлебных запасов нет,... а и жить, государь, стало не в чем да некем и нечем..."[1]

В Поэтической повести рассказ ведется также от лица Войска, но уже без прямых обращений к царю. Они заменены здесь пересказом будто бы текста подлинной отписки для третьего лица. Например: „... и он, государь, от войны и от татар... А мы, холопи ево (в отписке было бы — „холопи твои")... А буде государь нас, холопей своих далных, пожалует..." (Тх. 5, л. 45—45 об.).

Жанр, таким образом, остался прежним, но адресат изменился. Если подлинная отписка аппеллировала с просьбой об Азове только к самому „государю", то параллельная ей повесть, сохраняя ее жанровую форму, как бы расширяла свою аудиторию, выводила обсуждаемый вопрос за пределы Посольского приказа и дворца и обращалась уже с рассказом о тех же азовских делах к московским общественным кругам, которые как раз в это время живо интересовались данной проблемой.

Каким же образом Поэтическая повесть об Азове, — этот выдающийся памятник художественной литературы, могла быть построена на данной канцелярской основе?

Мы характеризовали уже выше своеобразный полулитературный стиль казачьих отписок, который охотно пользовался элементами книжной повествовательной традиции, широко включал в свой состав просторечие и образную фразеологию живого языка, создавал „ораторскую" риторику „речей". Изложение от первого лица, сообщавшее данной форме характер непосредственного живого рассказа, содействовало объединению всех этих стилистически-разнообразных средств выражения.

„Повествовательный" характер стиля отписок с ясно выступающими в нем зародышами средств художественного изображения, сочетающимися с необходимой „официальной" оправой изложения в виде известных канцелярских формул, был талантливо оценен и поэтически развит автором нашей повести.

Такая установка писателя на органическое художественное развитие избранного жанра „изнутри", основанная на идеологической близости автора к казачеству и профессиональном знании языка отписок, позволила ему создать цельный яркий поэтический стиль, лишенный внешних и идейно не оправданных „украшений".

---

[1] Донские Дела, кн. 2, стлб. 287—288.